

Живи, трудись и будь радостен

...Держу в руках небольшую фотокарточку. Любительский снимок, сделанный в начале пятидесятих годов в Королищевичах.

В нашем добром доме. Он встречал теплом и уютom. И всю белорусскую литературу вдохновлял почти сорок лет... На крыльце Дома литераторов, на верхней ступеньке, сидит Янка Брыль. Темная густая шевелюра, ворот рубашки свободно распахнут, засученные по локоть рукава...

Летний. Насмешливо-уверенный. Молодой. Впереди — дорога без конца!

А разве нет, если века не пройденном, больше не отменила еще и тридцати пяти, но уже есть устойчивое обоснование в столичной литературной жизни, есть семья — с умной женой-подругой и счастливой утехой — двумя, как солнышко, светлыми дочками?.. На книжных полках уверенно чувствуют себя «Неманские сказки», хорошо пошла «Сентябрьская озимь», «В Забо-

лотье светает», роман «Граница»...

Я только что переехала в Минск из Курска (где жила после университета и замужества) и только начинаю ходить на писательские собрания и ближе знакомиться с литературным народом, с именами известными (еще со школьных учебников!) и неизвестными (мне, во всяком случае, потому что долго жила на отшибе).

На всех этих собраниях и заседаниях среди других — а точнее сказать, впереди других — неизменно звучит это имя: Янка Брыль... Его, однако, не только возносят и восхваляют среди самых талантливых из молодых. Его и не щадят, его яростно распинают на литературном кресте. За тот же, скажем, роман «Граница», опубликованный в 1949 году в журнале «Полымя», пока что только первой частью... Беспощадный и безнаказанный по тем временам критик-оратор с трибуны инкриминирует автору ни мало ни много как «достоевщину» («болезненное порочное копание в психологии героев...»). А по тем временам — в 50-е — как известно, за «достоевщину» по головке не гла-

дили... Если ты, наш советский писатель, дошел до жизни такой, так и отвечай по всем параграфам бытовавших в те поры литературных законов... Известно, ориентация шла из центра, а периферийные ловкачи ее подхватывали и уж старались во всю мочь!

Так как же ответил на эту «достоевщину» сам «обвиняемый» — Янка Брыль?

— Если б меня за то, что и как я пишу, обвинили еще и в толстовщине, так я мог бы уже и теперь спокойно умереть.

С этими словами, выступив вслед за «обвинителем», он, независимый и гордый, оставил ту мрачную трибуну.

...Так постепенно — с определенной дистанции для меня лично — создавался портрет писателя, человека, личности. Мне он был интересен, притягателен. Однако приблизиться к нему я, конечно, никогда бы не решилась. Хотя бы потому, что видела и хорошо понимала: сама была нисколько не интересна Янке Брылю... «Уважаемая Е. С. Василевич от автора. Янка Брыль. 10.5.50». Это, видимо, на каком-нибудь совещании или пленуме, когда меня из Курска вызывали в Минск

и Брыль надписывал свою книжку «хлопцам», а тут неподалеку «под рукой» оказалась и я... Янка Брыль потом дарил мне не одну свою книгу и делал уже другие надписи. (Как ни говорите, а на авторскую надпись мы обращаем внимание не в последнюю очередь...) А вот та «уважаемая Е.» и сегодня как-то меня огорчает...

Однако при чем здесь все эти мои «женские эмоции» (как сказал бы Янка Брыль) в день заслуженного почетного юбилея самого Янки? При чем? А при том, что и сегодня, когда я пишу вот эти строки и они выходят у меня почему-то совсем не юбилейными, я все равно... побаиваюсь Янку Брыля. Побойваюсь, как возьмет он в руки газету и начнет читать мои слова в честь своего юбилея. Как насмешливо (иначе не будет!) скажет: «Ну, а ты что еще тут обо мне написала?»

И, правда, что напишешь еще, если о Янке Брыле, о его творчестве и о нем самом, как личности и человеке, написано десятки исследований — статей, эссе, диалогов, интервью... Написаны монографии, дипломные студенческие ра-

боты (наверное, и диссертации есть).

А я опять за свое, о своем...

Как не один раз при встречах, как зачарованная слушала и восхищалась я Янкой Брылем, его неповторимым юмором, его исключительным умением вести и поддерживать разговор, ни на йоту не снижая к нему общего интереса и внимания... Какой это всегда был подарок судьбы, когда мы в Королищевичах целой компанией после ужина направлялись от своего дома по залитой лунным светом правийке до моста через Свислочь, чуть не до самой деревни Синелю... Из тех устных рассказов-воспоминаний на всю жизнь остался, будто живой, в моей памяти дядька-бедолага с семьей детей, у которого сорел овин, полный еще не обмолоченного жита, а он, сидя уже погорельцем в соседней хате, утешал самого себя и горепашную жену свою: «Но зато же, брате, и мышей сколько ляснуло!»

Или же не забытым остался — также из брылевых уст — горький рассказ о деревенской вдове, у которой в самый раз-

гар косовицы, в жаркий полдень пошли на реку купаться и утонули две взрослые дочери-красавицы — материнская помощь и опора... И продиктовала несчастная мать местечковому мастеру надпись на дешевом памятнике своим дочерям: «Ой, вы, сосны, не шумите, моих дочек не будите...»

Я и теперь как будто слышу эти рассказы прежде всего из уст Янки Брыля, хотя потом очень многое из того, что он рассказывал, перечитывалось, и не один раз, и в его «Нижних Байдунах», и в «Рассвете, увиденном издалека», и в его «Витражах», «Горстях солнечных лучей»...

А как умеет с юмором, со стороны посмотреть Брыль на себя самого, не боясь унизиться, не стремясь приподнять себя: «Я стоял над столом, молодое, неуклюжее, взволнованное бовдило, и когда она, оторвав взгляд от бумаг, спросила, как моя фамилия и как зовут мою «клячу», чуть вспомнил, еле вымолвил такое обычное, но никогда еще не писаное: «Каштанка»...

Или та же, слышанная когда-то, устная Янкова «Шалка» опять, как добрая старая зна-

комая, рассмешила меня уже в книге «Сегодня и память». Кто читал, помнит, не забыл, конечно, эту шалку, которую пришел просить человек у самого директора универмага.

«Стоит, будто докладывает, потому как тот из-за своего опромного письменного стола сестя не пригласил. Выслушал, спрашивает:

— Кем работаете?
Человек еле выжал из горла:
— Писатель».

Директор подумал и определил:
— Выше кролика не сможем».

...Никогда не пропускаю ни одной публикации Янки Брыля, то ли в журналах, то ли в газете или отдельной книгой. А вот сейчас, собираясь писать эти строки, вспомнилось все, что написано писателем. Я как бы прошла вместе с ним все его литературные пути-дороги, пережила вновь пережитое им и его героями. Это — прекрасное путешествие.

Я желаю тебе, как ты сам когда-то пожелал своему младшему другу-ровеснику:

— Живи, трудись и будь радостен!

Алена ВАСИЛЕВИЧ.